

Наша Шатальная улица в городе Симбирске была очень тихая, спокойная, зеленая. Все дома на нашей улице имели своего хозяина, т.е. дома были частновладельческими. И мы тоже были хозяевами своего домика.

Я вижу всю нашу дорогую сердцу, родную «усадьбу» – дом, большой и тенистый фруктовый сад, двор, заросший высокой травой с тремя могучими вязами у забора и пышными кустами сирени по углам. А вот и живописные палисаднички, их два, с прекрасными разноцветными цветами. Это все мамыны питомцы, она их заботливо выращивала и холила. И помню, как все вокруг наполнялось прелестью лета: запахами трав, земли, ароматом цветов... Цветы из палисадников иногда срезали. Их ставили в кувшины. И тогда наш папа писал с них свои яркие «горячие» натюрморты. Какое счастье было жить рядом с этим всегда неуспокоенным, ищущим, никогда не остывающим человеком. И все его творчество создано богатством его духа. Да и акварельные пейзажи – это прежде всего изображение состояния его чудесной души.

В этот дом наша семья переехала после смерти папиных родителей, которые жили здесь, а мы снимали квартиру в частном доме.

Я хожу по комнатам... На полу в столовой от порога к противоположному порогу к кухонной двери лежит домотканый красочный половичок (дорожка), купленный на базаре. Это очень уютно. Так и хочется пробежать по дорожке. Обои в столовой светлые полосатые – одна полоска охристая, другая – светло-серая. Ведь столовая днем самая темная комната: окно выходит на северную сторону, кроме того, на терраску, вход на которую устроен из сеней. Посередине комнаты большой, очень удобный стол, его можно было еще раздвигать при необходимости. Над столом висит яркая лампа под белым матовым абажуром. В столовой за обеденным столом свободно размещалась вся наша семья. Здесь мы пьем чай, завтракаем, обедаем. Но у этого стола были еще и другие задачи: он объединял нас в долгие, темные, зимние вечера, когда за окном рано темнеет, на улице идет снег, иной раз вьюга завывает, а у нас в столовой так уютно и светло, идет увлекательная работа – подготовка к елке, которая уже не за горами. Мы делаем, клеим и мастерим елочные игрушки. Папа с мамой здесь же, рядом с нами... одобряют, подсказывают и помогают нам. Весь стол буквально завален цветной бумагой и тонкой прозрачной папирсной. Цвета самые яркие, и даже были золотые и серебряные листы. Клей, ножницы, нитки – тоже на столе. Нам елочных игрушек не покупали, мы их делали сами. И какое это упоительное занятие! Мы уже свободно клеили цепочки, флажки, хлопушки, различных форм коробочки (бонбоньерки их называли). Конечно, взрослые нам очень помогали, но хорошо запомнилось стремление сделать что-то именно совершенно самостоятельно.

И как же не хотелось прекращать работу, когда наступала пора идти спать. Но тут уж мама была неумолима.

Каждый день обогащал нас и делал жизнь всё интереснее.

Вот ещё одно из воспоминаний детства. Назову его «волшебный шкаф». У папы была маленькая,

Комната в доме Архангельских

светлая отдельная комната, очень уютная, которая служила ему одновременно мастерской. Для нас, детей, это было священное место. Туда мы заглядывали редко. И не потому, что нам запрещали, просто мы сами не хотели нарушать таинства – здесь творилось искусство. Порог мастерской мы переступали торжественно и молча. Папа встречал нас всегда приветливо, радостно, охотно показывал, рассказывал очень интересно всякие истории, много мы узнавали там, многому научились. Наивысшим наслаждением для нас были те упоительные минуты, когда перед нами раскрывался заветный волшебный шкаф. И чего только там не было! В нем жили такие книги, такие вещи и вещички удивительные! Это было иное царство, иной мир. Теперь я знаю, что это была небольшая библиотека книг по искусству, любовно собираемая папой. Для нас, малышей, интересны были и обложки или даже только корешки, пестрые и красивые, за которыми скрывалась тайна. Но главное, в этом шкафу жил Билибин – великий чародей сказок. Он – то и был нашим кумиром.

Все книги с иллюстрациями Билибина, что в ту пору выходили в свет, были собраны у папы. И по сей день у меня сохранилось отношение к прекрасно изданным красочным иллюстрациям художника Билибина как к идеалам сказочности. В детстве же нарядные, невиданной красоты страницы этих книг особенно привлекали нас. Даже сам цвет очаровывал. Цвета яркие – чистая киноварь и золото, глубокий синий и охра, и всё в узорах, всё так красиво! Много раз брали мы эти книги в руки, как зачарованные рассматривали чудные картинки, бережно

перелистывали странички и так же бережно возвращали книги папе. А он тоже бережно и любовно ставил их на место.

Кроме того, в папин шкаф просто смотреть было так интересно! Помимо книг там непременно находилось ещё что-то необычное: японский веер или чашка, красочные коробочки из папье-маше, фарфоровые статуэтки или простые яркие деревянные игрушки, купленные на базаре, да и многое, многое другое. Память об этом шкафе чудес сохранилась у нас на всю жизнь.

В мастерской стоял ещё небольшой рабочий стол, железная узкая кровать, табуретка и стул. Вдоль стен – множество самодельных из простого картона папок с акварелью, рисунками, стояли холсты, рулоны бумаги, ящики с красками. Тут же на полках и на подоконниках стояли в стаканах кисти, баночки с клеем и для воды, палитры с акварельными красками, этюдники и многое другое. По стенам всюду висели работы папы, написанные и маслом, и акварелью. Они постоянно менялись, выставлялись новые. Всё в этой комнате было непередаваемо интересно, ко всему у нас, детей, было благоговейное отношение.

Справа от мастерской – дверь в комнату, которая называлась в те времена залой, не гостиная, а громко – зала.

Досталась она нам вместе с домом по наследству. Была наша зала не заставлена вещами, мебели было у нас маловато, и все же, что полагалось, было. Диван и два кресла по бокам, обитые темно-красной тканью, стояли у изразцовой печки. Перед диваном стоял маленький круглый столик, легкий, цвета светлого дерева. На нем ничего не лежало, и он ничем не был покрыт. Первая стена свободная, лишь два стула нашли здесь временное пристанище... У стульев гнутые спинки цвета охры, как у столика, и такого же цвета большая деревянная кадка стояла на полу между двух окон с декоративным растением, напоминающим лиственницу. Такие кадки на полу с декоративными растениями были в то время общепринятым украшением всех зал, у кого они были. Только растения были различные. Это было традиционно, в духе времени. В более богатых домах были приняты пальмы, а также вьющиеся растения, обрамляющие бытующие тогда в домах арки. Тогда заводили уже две кадки по обе стороны арки. Из каждой кадки растения вились по стене ввысь и наверху арки соединялись. Это очень красивое, благородное и приятное украшение комнаты. Обои были светлые, желтовато-охристые с мелким рисунком... А над дверью – большой, писанный масляными кра-

Пластов А.А. Галя и Нонна Архангельские

сками натюрморт. Как сейчас его вижу. Впоследствии таких картин-этюдов маслом папа больше не писал. Вижу красивые шелковые ткани нежной расцветки – одна цвета слоновой кости, другая – бледно-розовая, так затейливо и изящно уложены, что создают бесчисленные узорчатые складки. И в них игра красок. Два цвета то сгущаются, углубляются, то сливаются и создают новые оттенки. На фоне этих шелковых тканей поставлены два больших граненых флакона с духами – один побольше, другой поменьше. Сама форма флаконов была необычайна, выпукла, оригинальна. Натюрморт написан, как всегда, легко, свободно, «мазисто». Издали все оживало: играл шелк тканей, блестели флаконы и были такие выпуклые, «как живые». Как бы я хотела, чтобы этот живой и нежный натюрморт моего папы висел сейчас у меня в комнате, а я бы любовалась им ежедневно.

Когда нам мама позволяла, мы с сестренкой приходили играть в залу. Там мы играли в путешествия. Из дивана, кресел и стульев получались отличные поезда, пароходы или просто извозчики, смотря по ходу игры. И мы с увлечением таскали узлы, разную поклажу, покупали билеты, спешили, опаздывали, терпели беды, случались и приключения, словом, с увлечением творчески играли.

Наша детская спальня оставила большой след в моей памяти. В ней заключен был кусочек моего детства: радостного, беззаботного, счастливого.

Наши родители были людьми с очень ограниченными материальными возможностями. Среди семей нашего круга мы были даже бедны, но мы, дети, этого не знали. Ведь для нас делалось все, чтобы мы были счастливы. Мы обходились без излишеств, а остальное у нас было все. Наши родители сами умели делать многое, умели и нас увлечь интересными делами, а не только забавами. Думаю, что

у нас было много такого, что было интереснее, чем у иных детей, которые имели изобилие дорогих покупных игрушек.

В нашей спальне проходила часть нашего счастливого детства. С нами рядом всегда была наша мама. Комнатка была теплой, чистой и приветливой, с двумя большими окнами на юг и запад. Стены, потолок и печка были выбелены мелом, все сверкало чистотой. Окна занавешивались гардинами, сшитыми мамой из плотной материи цвета слоновой кости. При помощи целой системы колец и белых шнуров гардины на день поднимались кверху и образовывали наверху красивые волнообразные обрамления окна. Это очень украшало комнату, а вечером с занавешенными окнами становилось уютно и словно теплее. Три простых железных кровати стояли у стен. Одна большая, мамина, моя поменьше и совсем маленькая с сеткой – кровать моей сестренки. Ее кровать стояла около печки. Покрывались все кровати белыми домашней вязки одеялами. На подушках обязательно были белые батистовые накидки с кружевами и прошивками. На наших с сестрой кроватях еще лежали саше – прямоугольные мешочки, тоже в кружевах и красиво и ярко вышитые нашими тетушками. Назначение этих саше было складывать туда на ночь кофточки, которые мы каждую ночь обязательно надевали. Наши кровати выглядели очень нарядно. И даже при нашей бедности комнатка выглядела очень уютной... Много в этой комнатке было сделано руками родителей. На стене висела папина картина, небольшая, написанная маслом, – Волга в ясную погоду. Небо и вода голубые, на берегу – три ветлы. Этот мотив папа часто повторял акварелью. Кроме того, на стене висел календарь в изящном паспарту тоже папиной работы. Тут же две-три наших с сестрой аппликации. Из самодельных предметов запомнились еще три коврика на полу у каждой кровати и очень красивое широкое полотенце, вышитое гладью красными нитками. Рисунок – растительный орнамент: переплетение цветов, листьев, веток. В середине была вкомпанована надпись «Чист – здоров». Я очень любила это полотенце и считала его предметом роскоши. Кроме кроватей в комнате находились еще два небольших комода, маленький стол, три стула, две табуретки. Комоды были поставлены один против другого. Один у окна, другой далеко у стены. Были они разные. Один, что у окна, старинный, пузатый, желтый, полированный. Это папин любимец как образец старины. Другой, видно, купленный незадолго до моего рождения, стиля модерн, какие в ту пору были в ходу, довольно-таки нелепый, но как мебель сослужил нам в свое время верную службу. В старинном комодe верхние ящики находились в папином ведении. Там были журналы, бумаги и еще что-то, что нас, детей, не касалось. Но зато нижний ящик был целиком отведен детям... Кроме того, в нашем распоряжении находился стол, где игрушки уже жили и действовали. Завершали убранство комнаты стулья, а в углу около двери – две табуретки и полка с предметами для умывания нас, детей. Этот уголок был нашей умывальной комнаткой. Тут стояли голубой эмалированный таз и кувшин тоже голубой, но посветлее. На полке – зубные щетки в стаканчике и зубной порошок. Кроме

того, была у нас в употреблении для мыла замечательная тарелочка. Голубая полоска окаймляла края тарелочки, а в середине было множество незабудок – голубые, разных оттенков, они были прелесть как хороши! Этой тарелочкой я часто любовалась, смотрела и насмотреться не могла...

В соседстве с умывальным уголком находился «новый» комод. В ящиках комода лежало все наше белье и одежда. Прямоугольное зеркало висело над комодом в широкой старинной раме. Запомнились и мелкие вещицы, что лежали и стояли на комодe. Мамина рукодельная деревянная шкатулочка с изображением какой-то пасторали – подарок папиных учениц-гимназисток. Лежали наши расчески в пестрых саше, ленты, подушечка для булавок и иголок...

В нашей простой, но удивительной спальне существовал еще один предмет, который и делал в моих глазах всю нашу комнатку голубой. Это маленький ночничок под голубым абажуром. Абажур имел форму шара и надевался прямо на ламповое стекло. Лампа была керосиновой, трехлинейной. Сам резервуар ночника был фарфоровый, тоже голубой с милыми цветочками. Для меня, ребенка, эти цветы, розовые и белые на голубом фоне, были дивно хороши. Ночничок мама зажигала вечером, когда мы ложились в постель. Иногда он горел всю ночь, но не всегда. По вечерам же горел долго, пока мы окончательно не засыпали. Я пишу так подробно о всяких мелочах, потому что тем самым словно вновь переживаю свое детство... Оно было светлым...

Начиная с раннего детства, папа прививал нам любовь ко всему прекрасному, учил нас внимательно всматриваться в окружающий нас мир, учил умению видеть и любить красоту. И вся наша домашняя обстановка тому способствовала. С нами рядом были картины, этюды, книги по искусству, иллюстрации, старинный фарфор и многое другое прекрасное.

С детства мы находились среди папиных картин, мы были окружены ими, были с ними рядом, постоянно видели все новые красочные изображения привычных, знакомых и понятных нам уголков города, Волги, домашних предметов, цветов. Иной жизни без этих картин и этюдов мы не могли себе и представить. Особенно привлекала Волга. Мы выросли на Волге, видели её ежедневно, любили её и тосковали в разлуке с ней. В папиных картинах и этюдах жила та самая Волга, которую мы знали и любили.

У нас с сестрой было счастливое, очень счастливое детство – безмятежное, безоблачное, про которое говорят – золотое! Этим мы обязаны нашим родителям.

Моему дорогому отцу, солнечному человеку, солнечному художнику, всю жизнь свою отдавшему людям, – великое спасибо и поклон до земли!

*Подготовила к печати
В.М. Костягина, старший
научный сотрудник отдела
фондов ОГАУК «Ленинский мемориал»*